

Глава 17. Последний месяц перед встречей

Поезд набирал скорость. Мимо проносились желтеющие поля пшеницы, рощицы тонкоствольных берез, шлагбаумы и убегающие от них в степную даль дороги. Знакомые с детства картины. Когда-то они, отвлекая от накопившихся забот, приносили успокоение. Но в этот день оно не приходило. Сменяя друг друга, меня одолевали противоречивые чувства. То грусть расставания с Лялей, то радость от одержанной интеллектуальной победы, то сожаление о несостоявшейся встрече с Ритой. Особенно мучила меня мысль о Саше, я должен был с самого начала рассказать ей всю правду, но не рассказал и молчанием своим обманул. А теперь ещё и этот конверт с деньгами. Их нужно немедленно по прибытии в Москву выслать обратно. Но как объяснить? К этому я не был готов. К тому же без этой денежной поддержки я вряд ли смог бы добраться до Нины.

Нина! И перед ней я тоже виноват, виноват за мысли о Рите, за вечера, проведенные с Сашей, за лодочные прогулки по Цне. С детских лет родители внушали мне отвращение к обману, лжи, и я старался в меру своих сил следовать их наставлениям. Даже на следствии не юлил, не выкручивался. То, что на этот раз я запутался во лжи, обескураживало меня. Ведь я любил Нину, и чувство это было глубоким и искренним. К тому же была она для меня не только желанной женщиной. С ней был связан большой и эмоционально насыщенный период моей жизни, целый комплекс воспоминаний, радостных и печальных, зачастую замешанных на душевных муках и страданиях. И хотя эти чувства странным образом сочетались в моей душе с мыслями о Рите и Саше, я никогда не опускался до сопоставлений. Она была для меня как мать - единственная и незаменимая.

Предстоящая встреча с Ниной и радовала, и пугала. Как вести себя с ней, как смотреть в глаза? Быть может, лучше рассказать всю правду, тем более что физической близости с Сашей у меня не было? Хотя я-то знал, чего это мне стоило! В подобных случаях важны чувства, мысли, слова. Захочет ли Нина понять и простить? Сможет ли?

Усилием воли заставляю себя думать о другом. Завтра утром Москва. Вокзальная суeta. Билетные кассы. А дней через пять неизвестный мне Красноярский край. Сохраню ли я там свободу перемещения, и что буду делать, если Нину не отпустят из Туруханска? Сумею ли найти работу по специальности? А если меня вышлют в

другой район, например на Таймыр. Туда, как рассказывал мне Фабер, выслали несколько человек из их кантона, и почти все они погибли. А какие документы смогу я предъявить в качестве основания для нашего соединения? Разве что справку Файерштейна. Но ведь в ней ничего не говорится о Нине и Валерике.

Чем больше думал я о будущем, тем тревожнее становилось у меня на душе. Правильно ли я поступил, отказавшись от предложения остаться работать в Кушмангорте? Там бы я имел неплохую работу, авторитет и видимость свободы, но плохую перспективу на соединение с Ниной и Валериком. А это было для меня главным. К тому же так заманчива была неожиданно открывшаяся свобода, что не воспользоваться ею я не мог. Да я и не жалел о содеянном. Пока всё складывалось хорошо: я выполнил заветную мечту своей матери, да и свою тоже: получил высшее образование. Кроме того, я повидал Лялю. Теперь бы повидаться с Эрночкой и все, и можно ехать хоть на край света! Но что ждёт меня там? Не будет ли слишком тяжёлой расплата?

Мысль о поездке к Эрночке зрела во мне давно, но я, стыдясь и малодушничая, прятал ее в глубинах совести. И вот теперь она прорвалась и требовала немедленного решения. Желание повидать Эрночку было огромным. А связанная с этим задержка казалась незначительной. В любом случае до конца навигации я успевал. С этими мыслями задремал. Утром, когда при подъезде к Москве пассажиров разбудил проводник, у меня уже не было сомнений: я еду к Эрночке в Здвинск.

Ещё в Тамбове, раздобыв старый географический атлас, выяснил я, что Здвинск является одним из районных центров Новосибирской области, что расположен он в южной части Барабинской степи, примерно в 90 километрах на юг от железнодорожной станции Барабинск. Барабинская степь. Резко континентальный климат с длинной, холодной и сухой зимой и кратковременным солнечным летом. Обилие болот и озер, в которые впадают многочисленные мелкие реки. Летом они пересыхают, превращаясь в заросшие плесы, мелкие соленые озера и сухие ложбины.

Сюда осенью сорок первого было выселено много немецких семей. Среди них и Петин отец с дочерьми. Поселили их в небольшой деревушке Сарабалык Здвинского района. Был Петин отец уже в том возрасте, когда вновь поднимать хозяйство невозможно. К тому же, как и большинство выселенных немцев, ни он, ни его дочери не знали русского языка, что усиливало враждебное к ним отношение местного населения. Их обзывали фашистами, били стёкла в их домике, обрезали верёвки с бельём. Поэтому Пе-

тя, который в то время находился в трудармии, стал настаивать чтобы Эрночка с детьми ехала в Сарабалык. Вряд ли это решение было разумным. В Тамбове, вернее в Чакино, где Эрночка работала учительницей в местном сельскохозяйственном техникуме, ей с ребятами, как мне казалось, было бы значительно спокойнее.

Уступив Петиным требованиям, Эрночка в ноябре сорок второго с Лизой и ребятами отправилась в далекое и рискованное по тем временам путешествие. Было ей в ту пору тридцать шесть лет, Лизе - 57, Гольди - 11, Адюше - 10 лет. Ехали в вагоне, переполненном людьми, ящиками, тюками. В дороге их обокрали, так что в Барабинск они прибыли без теплой одежды. А уже началась зима. В Сарабалык добирались лошадьми. Там у них отобрали паспорта и поставили на учет как спецпоселенцев. Жить поместили в тесной, заваливающейся на бок саманной избе, хозяйка которой, старая слепая немка из Бальцера, умерла с голоду незадолго до их приезда. Главной достопримечательностью избы была огромная русская печь. Топили её коровьими лепёшками, от которых было больше дыма, чем тепла. Изредка ребята приносили хворост. Дрова были на вес золота. Петин отец жил в другом конце деревни. Ходить к нему первое время боялись. Местные ребята считая всех прибывших немцев фашистами, травили собаками и бросались камнями. Электричества в деревне не было, поэтому долгие темные вечера проводили на печи, единственном теплом месте в продуваемой ветрами избе. Там Эрночка пересказывала Адюше и Гольди содержание прочитанных ею когда-то книг. По прошествии многих лет она с теплой грустью вспоминала о духовной близости, которая сложилась между нею и её мальчиками в ту голодную и холодную зиму.

Первое время Эрночка с Лизой и ребятами работала на сушилке, но уже к новому году её оформили учительницей начальных классов и немецкого языка, а через два года перевели в Здвинск учительницей музыки и пения. В сорок седьмом из трудармии вернулся Петя и устроился работать в бухгалтерии местного промкомбината. Вскоре, окончив девять классов, сначала Гольди, а затем и Адя стали работать в столярной мастерской. Жизнь постепенно налаживалась. Построили небольшой домик - пластанку, развели огород, приобрели корову. Ребята трудились наравне с взрослыми с утра до позднего вечера. В 1948 году, по приказу облоно, Эрночку, как немку, сняли с учительской работы. Для нее это было тяжелым ударом, так как, помимо ухудшения материального положения, лишало возможности заниматься лю-

бимой деятельностью. Некоторое время она ещё руководила школьным хором на общественных началах, но потом и это ей запретили.

И вот теперь поезд, мерно отсчитывая километры, вез меня на встречу с любимой сестрой. Она была старше меня на семнадцать лет и мудрее на целую жизнь. И мудрость её была не в логике, а в умении проникнуть в душу собеседника, понять его проблемы, настроиться в резонанс его мыслям и чувствам. Она, как никто другой из близких мне людей, умела сострадать и прощать. И не было в этом прощении высокомерия святоши. Всегда казалось, у неё были те же ошибки и те же грехи. Я надеялся, что и на этот раз она поможет мне разобраться в темных закоулках моей души.

Барабинск встретил мелким морозящим дождем, несколько необычным для этих мест в августе. Одноэтажный, дореволюционной постройки вокзал, запомнившийся мне обилием нищих и дешевым сытным обедом. Ажурный виадук, переброшенный над переплетением железнодорожных путей, кривые, грязные улочки, одноэтажные обшарпанные дома. С большим трудом на самой окраине, при выезде на здвинский тракт, разыскал попутную машину, хозяин которой за умеренную плату согласился подбросить до Здвинска. И вот, как когда-то в Кушмангорте, стою под дождем в кузове полуторки, которая, то скользя, то буксуя, медленно пробирается по разбитому машинами тракту. Вокруг бескрайняя степь, поросшая ярко-зелёной растительностью, с разбросанными по ней участками березового леса. Впереди девяносто километров пути, небо обложено тучами, а место в кабине, на которое я так рассчитывал, заняла откуда-то взявшаяся в последний момент девушка. Мне еще повезло. Примерно через час машина притормозила около низкого строения без крыши, и девушка исчезла в пелене дождя так же неожиданно, как появилась. Промокший до нитки, но счастливый, что наконец-то получил возможность укрыться от дождя, занял её место.

Водитель молчал, сосредоточенно крутя баранку, и меня это вполне устраивало. Было не до разговоров. Промокшая одежда противно липла к телу, из плохо закрывающейся дверцы дуло, и ветер леденил правый бок. К счастью, вскоре машина, неожиданно выскочив из-под низких туч, поехала по абсолютно сухой и пыльной дороге. Сразу потеплело, и на душе стало веселее, и на разговоры потянуло. Шофер, то ли под влиянием аналогичных чувств, то ли заметив, как изменилось моё настроение, начал выяснять, к кому я еду в Здвинск. Узнав, сообщил, что живёт по соседству, и стал расхваливать Адюшу и Гольди за их трудолюбие,

почтительное отношение к старшим, за то, что не пьют и не курят. От него я узнал, что они учатся в техникуме небольшого городка, расположенного в 10 км к северу от Барабинска, но в настоящее время находятся на каникулах в Здвинске. За разговорами остаток пути пролетел незаметно.

И вот я уже у палисадника, за которым небольшой, в три окна по фасаду, домик. Открываю калитку, подхожу к наружной дощатой двери, стучу. Дверь не заперта. Вхожу в темную прихожую, на ощупь нахожу ручку внутренней, обитой войлоком двери, дергаю. Все за столом, ужинают. Лицом ко мне Петя, Адя и Гольди. Их лица освещены лампой, на них вопросительное выражение. Похоже, ребята меня не узнали, ведь прошло более десяти лет. К тому же стою я в тени. Петя тоже не видит, он без очков, щурится. Одна из женщин, сидящих ко мне спиной, поворачивается, вскакивает и бросается мне в объятия. Эрночка! Она, конечно, изменилась, но не так сильно как Ляля. А Лиза стала совсем старенькой, но все такой же родной. Третью я не узнал, оказалось, это тетя Матильда, папина младшая сестра. Последний раз я видел ее еще в Саратове до нашего отъезда в Тамбов. Ребята сильно повзрослели, раздались в плечах, возмужали. Их загорелые, обветренные лица выражали спокойствие и какую-то крестьянскую мудрость. Меньше всех изменился Петя. На его лице так и не появилось ни одной морщины.

После минутного замешательства начались обычные в таких случаях объятия, восклицания и слезы. Весь вечер и следующий день прошли в разговорах: вспоминали прошлое, обсуждали настоящее. Петя, близко к сердцу принявший ликвидацию Немреспублики, многое рассказал мне о печальной участи российских немцев. Расселённые малыми группами по глухим уголкам Сибири и Средней Азии, они оказались обречёнными на полную ассимиляцию. Надежда на то, что осуществлённая правительством акция временная, что после окончания войны им разрешат вернуться на нижнюю Волгу, рухнула после того, как за “сотрудничество с оккупантами” были депортированы крымские татары, чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы. Стало ясным, что в Советском союзе за ошибки родителей отвечают не только их дети, к чему уже привыкли, но и все соплеменники, от грудных младенцев до умирающих стариков. Не ясным было только, за что наказали российских немцев. По-видимому, за действия их соплеменников в Европе.

Логическим завершением политики репрессий против депортированных народов явился Указ Президиума Верховного Совета

СССР от 26 ноября 1948 года, в котором разъяснялось, что выселение “провинившихся народов” проведено **навечно**, без права вернуться к прежним местам жительства. Невероятно трудными для репрессированных были первые годы жизни в новых местах. Трудоспособных мужчин и женщин среди них практически не было. Ещё раньше они были мобилизованы в трудармию. Старики, подростки и женщины с несовершеннолетними детьми, оставшись в зиму без средств к существованию, гибли от голода, холода и антисанитарных условий.

Вихрь событий тех дней увлёл и многих из моих родственников. Все они были направлены в самые глухие места Новосибирской области. Дядя Карлуша (Карл Федорович Майер) в возрасте 79 лет был оторван от единственной дочери (она не выселялась, так как была замужем за русским), выселен из своего дома в Саратове, и отправлен в Сибирь. Поселён он был в селе Глядень Оляшинского района Новосибирской области. Туда же вместе с ним были отправлены и две его сестры: тётя Амалия 68 лет и тётя Матильда 60 лет. Жили они в большой нужде без всяких средств к существованию, медленно умирая с голоду: Амалия умерла в 1943 году, а Карл – в 1944 году. Тетю Матильду после смерти дяди Карлуши забрала к себе в село Здвинское Новосибирской области Эрночка, находившаяся там на поселении с Лизой, Петиним отцом и детьми. Дядя Федя, младший из братьев моего отца, в возрасте 63 лет, также оторванный от своей дочери, был направлен в село Нарым, расположенное в тайге северо-восточной части Новосибирской области, на рыбные промыслы. Там он и скончался в 1945 году. Со смертью в 1966 году в Здвинске тёти Матильды закончилось четвертое поколение Майеров, родившихся на русской земле. Несколько лучше сложилась судьба моего крестного, Карла Ивановича Штауба. После нескольких лет мытарств ему вместе с семьёй удалось обосноваться в Томске, где он служил профессором кафедры химии Томского университета.

К вечеру второго дня меня начало знобить. Поднялась температура, заложило правый бок. Эрночка, которой я рассказал о своей поездке под дождём, заволновалась: “ну когда же ты повзрослеешь, и будешь думать о своём здоровье. Ведь от него во многом зависит благополучие Нины и Валерика”.

Как в детские годы, хлопотала она около меня, заставляя пить какие-то лекарства и горячее молоко с мёдом, в которое Лиза пыталась добавить ложку сливочного масла. Я всё терпел, так как не на шутку испугался, что из-за болезни могу не успеть к концу нави-

гации. Только на пятый день температура начала спадать, и я поднялся с кровати.

Дни болезни не прошли для нас с Эрночкой даром, поговорить мы успели о многом. Она рассказывала о первых годах жизни в Сибири, о Пете, о ребятах, я - о лагере, Нине, днях, проведённых у Ляли, учёбе. Воспользовавшись тем, что мы в комнате оставались практически одни, я рассказал ей обо всём, что произошло в Тамбове и что не переставало мучить меня. Как я и ожидал, она отнеслась к моим проблемам спокойно. Не стыдила, не убеждала, не воспитывала. Просто рассказала о сходном эпизоде из своей жизни.

Шёл 1938 год, третий год пребывания Пети в лагере. В бесконечных поисках работы Эрночка через Игорька познакомилась с инспектором Тамбовского горно, отставным дипломатом Ткаченко и увлеклась им. Высокий, статный, широкообразованный, он прекрасно владел немецким, хорошо знал литературу, разбирался в музыке. Часами просиживал он у нас, слушая её игру на фортепьяно. Был очень внимателен ко всем нам и особенно к ребяташкам. Конечно, Эрночка понимала, что поступает плохо, но совладать с собой не могла. Эскалацию чувств прервала мама. Несмотря на то, что её всегда коробило от Петиной грубости и бесцеремонности, она категорически воспротивилась такому развитию событий.

Когда вернулся Петя, Эрночка, желая успокоить свою совесть, всё ему рассказала и превратила его, да и свою жизнь в пытку. Его настойчивое требование, чтобы она ехала в Сарабалык к его родителям, во многом было связано с этими событиями.

Я понял: рассказывать Нине о моих приключениях в Тамбове, и тем более о Саше, нельзя.

После того как спала температура Эрночка, пользуясь разрешением завуча, водила меня в школу и там на стареньком фортепьяно исполняла давно забытые мною произведения Шопена, Шуберта, Листа, Бетховена. Мы вспоминали годы, проведённые в Саратове, и плакали.

Расставание было грустным. Надежд на то, что удастся встретиться ещё раз, мало. Все были уверены, что в Красноярском крае меня, как немца, тоже закрепят навечно. Перед отъездом Петя написал письмо одному из своих хороших знакомых в Красноярске с просьбой приютить меня на пару дней, до отхода теплохода. Увез меня шофёр, с которым я ехал из Барабинска в Здвинск.

И вот я опять в поезде, продолжаю свой путь на Восток. Дни, проведенные в Здвинске, пролетели как одно мгновение. В душе

смятение и чувство обреченности. Вера в свои силы поколеблена, и будущее представляется в самых мрачных тонах. Даже диплом, еще совсем недавно гревший мне сердце и придававший уверенность, кажется теперь ничего не значащей бумажкой. Заслоняя окружающую меня явь, громоздятся видения недавнего прошлого: сторожевые вышки, колючая проволока, фуражки с красным околышем, самодовольные физиономии надзирателей и плачущая Нина. Как мог я так расслабиться, забыть, в какое время живу. Ведь знал же я, что после войны волны репрессий резко возросли. Лагеря пополнялись новыми категориями осужденных: бывшими военнопленными; “чуждыми элементами” из регионов, недавно включенных в состав СССР; пособниками оккупантов; представителями спецпереселенцев и, наконец, лицами, отбывшими в свое время десятилетний срок по политическим статьям и получившими новые сроки на основании административных решений. Потрясала огромность сроков, обычными стали 15-25 лет. Удивляло обилие в прибывающих этапах бывших военных, которые угадывались даже в гражданской одежде по решительности действий и сплоченности. С их появлением даже уголовники, обычно терроризировавшие гражданское население лагеря, присмирели. Тогда, на фоне всеобщего ликования по случаю исторической победы и колоссальных трудностей восстановления разрушенного хозяйства, трудно было понять, что государство такими средствами ведет борьбу с разъедающим общество свободомыслием.

К Красноярску поезд подходил медленно. Подъездные пути были забиты товарными вагонами, платформами, цистернами. Слева, отгороженные от путей колючей проволокой и невысокими, сбитыми из горбыля заборами, металлоконструкции, арматура, бухты с намотанными на них тросами, ящики с деталями машин. Много вышек, на них солдаты, но людей, похожих на заключенных, не видно. Лагерные точки, как правило, располагались поодаль от железнодорожной магистрали. Потом, уже ближе к вокзалу, начались приземистые кирпичные постройки с облупившейся штукатуркой - знаменитое паровозное депо - очаг революционной борьбы рабочего класса в Красноярске.

Привокзальная площадь в окружении времянок и дощатых неструктурированных заборов. Ветер гоняет обрывки бумаг, газет. Заборы оклеены лозунгами, плакатами, карикатурами военных лет, объявлениями. Милиция, военные патрули. Мне с ними лучше не встречаться.

Пройдя несколько кварталов, попадаю в центральную часть города. Улица Сталина. Дома, как и во всем городе, в основном

деревянные. Кирпичных, доставшихся советской власти от дореволюционного купечества, немного, и заняты они теперь, главным образом, правительственными и партийными учреждениями. Трогуары большей частью деревянные, мостовая мощёная. Зелени мало. Магазинов тоже. В витринах муляжи колбас, окороков, сыра и лозунги, выложенные консервными банками, спичечными и папиросными коробками. Очереди, озабоченные лица, авоськи.

Меня же интересовал прежде всего речной вокзал. Надо было как можно скорее купить билет на теплоход и тем самым обезопасить себя от всяких неожиданностей. Вряд ли меня задержат, узнав, что я добровольно еду в Туруханск - традиционное место поселения политических ссыльных.

Корректируя свой маршрут в соответствии с советами встречаемых пешеходов, выхожу, наконец, на берег Енисея. Могучая сибирская река поражает широтой и каким-то угрожающим величием. Свинцово-тяжёлые воды размывают не закованные в то время в гранит берега. Горизонт обрамлён невысокими горами, покрытыми лесом. Вдоль берега баржи, катера, дебаркадеры. Вдали, справа, ажурный железнодорожный мост, построенный ещё в царское время. Слева здание только что построенного, но ещё не функционирующего речного вокзала с колоннами и шпилем, увенчанным пятиконечной звездой. Его внешний облик резко контрастирует с не обустроенной набережной. Ниже по течению двухэтажный дебаркадер, от которого пока отправляются теплоходы в низовья Енисея. Деревянные, окрашенные масляной краской стойки, полукруглые окошечки касс, деревянные диваны-скамейки, жестяной бак для питьевой воды с прикованной к нему цепью помятой алюминиевой кружкой. На одной из стен карта Енисея с редкими кружочками населённых пунктов.

И в этом интерьере толпа людей с фанерными чемоданами, заплечными мешками, узлами. Выстроившись вдоль стен к окошечкам касс, сидя на диванах, а то и просто лёжа на деревянном полу, они заполняют всё свободное пространство кассового зала. Я сливаюсь с этой толпой с чувством неуверенности и смутной тревоги.

С трудом выясняю, что на все ближайшие теплоходы билеты проданы. Остались только на теплоход "Иосиф Сталин", который, завершая навигацию, должен уйти в рейс девятнадцатого сентября. Кроме того, запланирован рейс парохода "Мария Ульянова", который, в соответствии с расписанием, должен выйти на день раньше. Однако билеты на него не продают, так как не ясно, состоится ли этот рейс вообще.

Направляюсь к нужной мне кассе. Там шумит очередь. Какой-то военный, с орденскими планками на груди, добивается каюты первого класса, а кассирша отсылает его в Крайком партии, под броню которого, по её словам, находятся все места первого, а частично и второго класса. Остальные волнуются: нам бы его заботы, только задерживает очередь. Стоящая рядом со мной старушка беспокоится: “Говорят, палубные билеты на “Сталина” не продают, даже до Ярцева, а на каютные не хватит денег”.

Когда подошла моя очередь, билеты остались только в каюты четвёртого класса. Но они стоят дорого. После приобретения билета у меня осталось всего тридцать рублей. А прожить, с учётом дороги, надо почти три недели. Единственное, чем я располагал и что можно было продать, так это новенькие катанки. Стесняясь, как когда-то мама с цветами, нахожу покупателя. Здоровенный мужик, заросший щетиной, с прядями давно немытых и нечёсанных волос, купил их у меня за триста рублей.

Сдав чемодан в камеру хранения, направляюсь на телеграф. Заполняю бланк: “Поздравляю Валерика выезжаю Сталиным девятнадцатого целую = Ро” и подаю его в окошко. Пожилая женщина, принимавшая телеграммы, прочтя текст, неодобрительно посмотрела на меня и изрекла:

- Что это Вы здесь написали?

- Как что написал? Поздравляю сына с днём рождения и сообщая, что выезжаю теплоходом “Иосиф Сталин” девятнадцатого сентября.

- Вот так и пишите, а то “еду Сталиным”, - и в её голосе звучат нотки возмущения.

- Но у меня нет денег на длинные телеграммы, - пытаюсь оправдаться я.

- Как хотите, но такую телеграмму я не приму, - заявила она решительно и, блеснув стёклами очков, возвратила заполненный мною телеграфный бланк. Ситуация стала опасной, и я подчинился.

Настроение вконец испорчено. Как и в сорок первом году на призывном пункте Тамбова, чувствую себя одиноким и беззащитным. И это после десяти лет лагерей. Стыдно. Пора заняться делом и, в частности, подумать о ночлеге. Неоднократные попытки узнать у прохожих, где находится указанная Петей улица, кончались неудачей. Пришлось искать киоск Горсправки. Там мне ответили, что указанная на конверте улица расположена на правом берегу Енисея и добираться туда удобнее всего катером, хотя можно воспользоваться и понтонным мостом.

В те годы весь правый берег был сплошной строительной площадкой. Сюда в первые месяцы войны было переброшено с Запада большое количество военных заводов, которые начинали работать зачастую под открытым небом. Административно-технический персонал и рабочих размещали в наспех воздвигнутых бараках, вагонах-теплушках, землянках. Теперь, по окончании войны, всё это приводилось в порядок. Возводились корпуса заводов, строились внешне тяжеловесные и угрюмые, а внутри достаточно благоустроенные дома, прокладывались коммуникационные сети, улицы. Главную из них, как спинной хребет пронизывающую всё правобережье, позже назовут улицей имени газеты «Красноярский рабочий».

Тогда, в пятьдесят втором, сойдя вечером с катера и блуждая в поисках нужной мне улицы, я то и дело попадал в какие-то канавы, спотыкался о беспорядочно разбросанные брёвна, ящики, мотки проволоки. В сгущающихся сумерках угадывались складские помещения, заборы, вышки. Несколько раз наткнулся на невидимую в темноте ограду из колючей проволоки, с лагерных лет вызывающую чувство ужаса и отвращения. И ни одной живой души. Только где-то вдалеке слышались окрики часовых.

Проблуждав больше часа, наткнулся, наконец, на жилой барак, однако вышедший на мой стук старик ничем помочь мне не смог:

- Здесь и днём-то черт ногу сломит, а не то, что ночью, - шепелявым голосом поведал он мне.

- Приходи, когда рассветёт, паря, а то намедни одного такого, как ты, собаки чуть не на смерть загрызли. Они нынче сильно лютуют.

Перспектива встретиться с собаками меня никак не устраивала, да и последний катер, как меня предупредили, отходил в одиннадцать. Спотыкаясь и падая, я с трудом добрался до трудно различимого причала и уже через полчаса был на левом берегу.

Куда идти? На железнодорожный вокзал опасно. Там частые облавы, а я, хотя и имел билет до Туруханска, попадать в руки милиции не хотел. Спокойнее было на пристани, здесь милиции меньше, ибо Енисей не та магистраль, пользуясь которой можно бежать из ссыльного края. Кроме того, была вероятность, что кто-нибудь не явится на очередной рейс и удастся перекомпостировать билет и хоть на несколько дней раньше выехать в Туруханск. Сейчас мне ничего так не хотелось, как вместе с Ниной и Валериком укрыться от обступающего меня со всех сторон враждебного мира. Как завидовал я англичанам, для которых «мой дом - моя

крепость”. В эту ночь мне повезло: я нашёл свободное место на скамейке и никто в течение ночи меня не потревожил.

Утром проснулся рано. Над Енисеем колышущаяся пелена плотного, непроницаемого тумана. Отблески кроваво-красной зари придают ему зловещий оттенок. Сколько страданий, сколько слёз видела эта река. Сколько невинных жертв в трюмах лихтеров и барж унесли её быстрые воды в последние круги заполярного ледяного ада. Я стою на нижней палубе дебаркадера и вглядываюсь в пучину ненасытной реки. Рядом рыбак, согнувшийся над своими удочками. Он ждёт удачи. Я тоже. Будет ли она сопутствовать мне в предстоящем путешествии по этой могучей и опасной реке?

Мрачное настроение в те годы, а вернее в том возрасте, никогда подолгу не владело мной. И вот я уже иду по проспекту Сталина в направлении железнодорожного вокзала. Рабочий день ещё не начался и торопиться мне некуда, тем более, что до отхода “Иосифа Сталина” ещё полмесяца.

Солнце быстро поднималось по небосклону. Заметно потеплело. Подъезды домов выбрасывали всё новые порции пешеходов. Появились первые автобусы. Соблазнительно запахло свежим хлебом. В одной из булочных купил полкило серого хлеба и, зайдя за угол, съел. Настроение улучшилось, уверенности прибавилось. Пошёл дальше, изучая вывески учреждений и витрины магазинов.

Неожиданно моё внимание привлекло старинное, сложенное из красного кирпича здание, расположенное в глубине улицы. Перед ним несколько тополей и молодёжь. “Красноярский Государственный педагогический институт” - прочёл я на жестяной вывеске. И сразу сладко замерло сердце. Вот куда, оказывается, собирался я переводиться из Тамбова. “Интересно, есть ли здесь аспирантура по математике и если есть, то по какой специальности”, - подумал я. Подумал и тут же отогнал эту мысль. Сейчас не до аспирантуры. Надо искать работу и хоть какое-нибудь жильё. Когда время приблизилось к девяти, направился в Краевой отдел народного образования.

Как сейчас помню: отдел кадров, моложавая блондинка неторопливо разговаривает по телефону, никак не реагируя на моё присутствие. Я стою перед её письменным столом, переминаясь с ноги на ногу, не решаюсь сесть на стоящий рядом стул. На мне мятые брюки, не первой свежести рубашка, нечищенные ботинки. Хорошо, что в кабинете мы одни и никто не видит моего унижения. И зачем только я пришёл сюда, на что надеюсь? Наконец, закон-

чив разговор и окинув меня оценивающим взглядом, блондинка спросила:

- Вы по какому вопросу? - голос её официален и сух.

- Я хотел бы устроиться учителем математики, - начал я робко.

- Какой ВУЗ кончали, где живёте? - не предложив мне при-
сесть, продолжала она задавать вопросы.

Боясь, что не захочет выслушать, стал торопливо объяснять, что очень люблю математику и детей, что закончил Тамбовский педагогический институт, закончил с отличием, но пока постоянного места жительства не имею.

- Как это не имеете? Дайте-ка сюда Ваш паспорт.

Раскрыв, замерла, как спаниель перед дичью:

- Так Вы немец? А как оказались в Красноярске и почему не на учёте?

- Я не успел Вам сказать, что в своё время был арестован в Тамбове, откуда немцев не выселяли, и поэтому не подлежу закреплению. Во всяком случае, так мне сказали при освобождении.

- Так Вы ещё и срок отбывали? По какой статье? За что?

Я начал объяснять, что был арестован за неосторожно сказанные слова, что никакого вреда государству причинять не соби-
рался, что отбыл десять лет в исправительно-трудовых лагерях и, следовательно, исправился и что, наконец, сдав на "отлично" эк-
замены по истории партии и философии, доказал, что разбираюсь и разделяю идеологию и политику партии и государства.

- Что разбираетесь, этому я верю, а то, что разделяете, со-
мневаюсь, - с легкой усмешкой промолвила она, разглядывая мой диплом.

- А как понимать: в пятьдесят первом году поступили, а в пять-
десят втором окончили? - приподняв брови, спросила она.

- Как написано, так и понимать. Я действительно окончил ин-
ститут за восемь месяцев.

- Но ведь экстернаты с прошлого года запрещены, - полуут-
вердительно, полувопросительно заявила она.

- А это не экстернат. Это заочное обучение. Я выполнил все
предусмотренные учебным планом контрольные, курсовые и ла-
бораторные работы, выступал с докладами на семинарах, провёл
положенное число уроков в школе, сдал все зачёты и экзамены,
причём почти все на отлично, - выпалил я с горячностью и плохо
скрываемой гордостью.

Она с нескрываемым любопытством разглядывала меня, как
некую диковинку, соображая, как всё сказанное сочетается со

стоящим перед ней человеком, виду которого не позавидовал бы и привокзальный бомж.

Но, мысленно представив меня бритым, в приличном костюме и при галстуке, а такое превращение она однажды уже видела, задала мучивший её вопрос:

- Зачем же Вы приехали сюда? Ведь здесь Вас поставят на учёт как немца.

- Меня в Туруханске ждут жена и сын, - лаконично, не желая дальше развивать эту тему, заявил я.

Опять пауза, после которой уже менее официальным тоном спросила:

- Она у вас что, ссыльная?

- Вы правы, она ссыльная, но мы не зарегистрированы, и это создаёт много проблем.

- Вы не зарегистрированы и всё же едете в Туруханск, даже зная, что там, скорее всего, лишитесь свободы? - В голосе её удивление и сочувствие.

Я был поражён происшедшей переменой. Передо мной сидела милостивая, сравнительно молодая женщина. Солнечные лучи золотили её волосы, из-за письменного стола выглядывала изящная, обутая в лодочку ножка. На главное, глаза. Они светились добротой и участием.

Позже, по прошествии двух десятков лет, наши пути вновь пересеклись. Она работала учительницей русского языка и литературы в школе, в которой проходили практику мои студенты. Вспоминая этот эпизод, призналась:

- Не знаю, что тогда со мной произошло. Потрясло не столько то, что Вы за восемь месяцев окончили институт, сколько то, что ехали в одно из самых страшных, как мне казалось, мест ссылки. Ехали без принуждения, только по велению долга и чувства. Ведь меня незадолго до этого бросил муж, бросил одну с двумя детьми. И всё равно, мой разговор с Вами был серьёзной ошибкой. Но я быстро взяла себя в руки, Вы помните?

Да, я помнил. В какое-то мгновение всё вновь изменилось. Исчезли золотистые блики в её волосах, исчезла изящная ножка, а главное, потухли глаза. Передо мной сидела канцелярская крыса и сухим голосом вопрошала:

- Так чего вы, в конце концов, от нас хотите?

- Хочу работать в школе, преподавать математику.

- Неужели Вы не поняли, это исключено. Во-первых, Вы немец, а во-вторых, отбывали срок по политической статье. Каждой из этих причин достаточно, чтобы и близко не подпускать Вас к

школе. Поймите, - и голос её на мгновение опять смягчился, - я и так сказала Вам слишком много.

- Ну, а в какой-нибудь сельской школе, на лесоучастке, - сделал я последнюю попытку.

- Нет, нет! То же самое Вам скажут в самой глухой деревушке, даже если там уже несколько лет не преподаётся математика. Лучше подумайте о какой-нибудь другой профессии, не связанной с детьми.

У меня такая профессия была, а из расклеенных по городу объявлений я знал, что в пределах края функционирует лесозаготовительная организация - комбинат "Красдрев". И я направился по указанному в объявлении адресу. Сложенное из бруса двухэтажное, барочного типа здание. Отдел кадров на втором этаже. Разгар дня. Много людей. Инспектор кадров в форме лесничего. Перед его столом мужчина средних лет, в такой же, как и у меня, помятой, полулагерной одежде. На лице трёхдневная щетина. Просится бухгалтером в какой-нибудь леспромхоз. Инспектор молча изучает трудовую книжку, паспорт и какие-то замусоленные справки. Не глядя на посетителя, бросает:

- В Партизанский леспромхоз поедете?

- Кем? Какой оклад?

- Ну, это выяснится на месте, после испытательного срока.

- Ладно, пишите!

После недолгой процедуры, связанной с выпиской направления, моя очередь.

- Трудовую книжку, паспорт!

Подаю свой паспорт и справку Фаерштейна.

- Трудовую! - тихим, бесцветным голосом требует инспектор.

- У меня её ещё нет, я учился, - сообщаю инспектору и подаю ему свой диплом в надежде, что его красный цвет смягчит начальника. Но ничего похожего не происходит. Заглянув в него, инспектор всё таким же невыразительным голосом спрашивает:

- А какое отношение Ваш диплом имеет к работе в лесной промышленности?

- Это в подтверждение того, что я учился.

Инспектор, помолчав:

- В Партизанский леспромхоз поедете?

- Где это?

- Партизанский район, село Скотопрогонное.

Оторопев от такого запомнившегося на всю жизнь названия и не решаясь уточнять другие важные для меня вопросы, согласился. Получив направление и выйдя в коридор, обнаружил своего

возможного попутчика до таинственного Скотопрогонного. Он о чём-то оживлённо беседовал с двумя похожими на него мужиками. От группы исходил терпкий запах пота, табака и винного перегара. Дождавшись конца беседы, предложил своему возможному сослуживцу ехать в Скотопрогонное вместе. Поколебавшись, он в конце концов согласился, но предупредил, что к этой поездке будет готов лишь через два дня. Я был не против, тем более, что ждать мне нужно было всё равно девятнадцатого числа. Договорились о месте встречи. В разговоре выяснилось, что он тоже из племени зеков, отсидел десять лет в лагере, но не в Усольяге, а в Краслаге и не по пятьдесят восьмой, как я, а по закону от седьмого-восьмого. Последние годы работал бухгалтером продовольственного стола. Жена, жившая где-то на Украине, за годы его отсидки вышла замуж, и теперь его самое большое желание - "сообразить на троих". Мой категорический отказ несколько омрачил "радость знакомства".

Путешествие в село Скотопрогонное состоялось только шестого сентября. Все предшествующие дни мой новый знакомый где-то пропадал и появился на пристани только вечером, в сильном подпитии. И вот снова железнодорожный вокзал, поезд на восток, до Камарчаги, откуда, в который уж раз, в кузове попутного грузовика. Мой попутчик, как старший по возрасту и более инициативный, в кабине. Поездка, особенно на последнем участке, напоминала цирковой аттракцион. Желая сократить дорогу, водитель поехал по старой, полуразрушенной автолежнёвой дороге: две колеи из толстых широких досок, постеленных на полусгнившие поперечные брёвна - шпалы. Под тяжестью грузовика тронутые тленом пластины то и дело ломались, и машину только чудом не выбрасывало на пронесившиеся совсем рядом сосны. Тряска была невероятной, её можно было амортизировать только стоя, согнув ноги в коленях. Но тогда появлялась ещё одна опасность: низко провисающие провода, чаще, чем хотелось бы, пересекающие трассу. "Если зазеваешься, голову оторвёт запросто, так что почаще кланяйся", - предупредил меня шофёр. Кланяться пришлось часто, то реальной, то мнимой проволоке, а ещё чаще ветвям деревьев. И хотя жарко грело солнце, душа была скована ледяным холодом.

К обеду прибыли в Скотопрогонное. Деревня как деревня, обилием скота не отличалась. Зато чувствовалась близость лесозаготовительных участков. Многие избы сложены из брёвен и бруса. То тут, то там на улице лесовозные машины и трелёвочные трактора. Шофёр подвёз нас прямо к конторе леспромхоза. И здесь мой попутчик вновь завладел инициативой. Разыскал глав-

ного бухгалтера, предъявил ему свои документы и начал объяснять, какую ответственную работу он выполнял на прежней службе.

Его не очень вразумительные, с точки зрения специалиста, разглагольствования главбух прервал вполне естественным, с моей точки зрения, вопросом:

- Пьёте сильно?

Претендент на бухгалтерскую должность, прикрывая рукой свой выразительный нос и стараясь дышать в сторону, скромно произнёс:

- Ну, что Вы! Разве что по праздникам.

Его слова так разительно контрастировали со всем его обликом, что главбух откровенно рассмеялся.

- Ну ладно, посмотрим. Месяц Вы поработаете здесь, в центральной бухгалтерии, у меня на глазах, а там посмотрим.

Настала моя очередь. Я лихорадочно соображаю, какую тактическую линию выбрать, чтобы тоже остаться в центральной бухгалтерии. Но время не ждёт и главбух тоже. Молча подаю направление, выписанное инспектором кадров, паспорт, диплом и справку Фаерштейна. Уверенный, что это меня как работника положительно характеризует, добавляю:

- Не пью и не курю!

- Так уж и не пьёте?

- Не пью!

- Совсем?

- Совсем.

- И по праздникам?

- И по праздникам.

Посмотрев на меня с любопытством, главбух заключает:

- Трудно поверить, но если так, то я Вам не завидую!

- Почему? - удивляюсь я.

- Скучная у Вас жизнь, да и друзей, наверное, нет?

- Событьчиков, - поправляю его.

Многозначительная пауза, после которой главбух, полистав мой паспорт, с оттенком неодобрения в голосе роняет:

- Значит, немец?

- Немец!

- Поэтому и не пьёшь?

- Почему “поэтому”, просто не пью.

Чувствую, что своим отношением к спиртному вызываю то ли недоверие, то ли неприязнь. Помолчав и, по-видимому, смирив-

шись с мыслью, что в обществе встречаются и непьющие мужики, главбух изрекает:

- Ну что же, направлю Вас старшим бухгалтером на лесоучасток, а то, кого туда ни пошлю, все спиваются.

Я промолчал, меня этим не напугаешь. Расспросив о семье и работе в лагере, пообещал, что на лесоучастке мне будет предоставлена двухкомнатная квартира, неплохая зарплата и даже предложил выписать аванс, если, конечно, оформлюсь на работу и в залог оставлю паспорт. Этого сделать я не мог, хотя деньги мне были очень нужны.

Поняв, что мой приезд является только разведкой, что, съездив в Туруханск, могу и не вернуться, главбух начал расхваливать местный климат, природу, людей. Сказал, что у них все кадровые работники имеют хорошие огороды и в завершении разговора, вызвав какую-то женщину, попросил сводить нас в столовую и устроить с ночлегом.

На следующий день, собираясь в обратный путь, задал главбуху вопрос, с которого следовало начинать нашу вчерашнюю беседу, а возможно, задать его ещё в Красноярске инспектору отдела кадров Красдрева.

- А ссыльные у Вас в посёлке или поблизости живут?

Его ответ был для меня совсем не утешительным:

- Нет, все они размещены севернее железнодорожной магистрали. А что? Ведь Вы сказали, что не подлежите закреплению.

- Да нет, это я просто так.

Выходит, я совершил глупость и только зря потратил деньги. Интересно, куда, в какой из северных леспромхозов направил бы меня инспектор и как сложилась бы моя судьба, скажи я ему, что жена моя ссыльная?

Вернулся в Красноярск восьмого сентября. Денег оставалось в лучшем случае на пять - шесть дней, а продержаться нужно было до двадцать второго, когда, в соответствии с расписанием, "Иосиф Сталин" причалит к пристани Туруханск. Продавать было нечего. В чемодане, кроме телогрейки и белья, только книги, и те по математике и, следовательно, никому не нужные. Чтобы где-то подработать, например, на погрузке или разгрузке барж, нужно было предъявить паспорт с обязательной отметкой о прописке. Ведь Красноярск был режимным городом, напичканным сотрудниками НКВД, милицией, военными. Оставалось одно средство – поменять билет с "Иосифа Сталина" на "Марию Ульянову", на которой он стоил заметно дешевле и которая, как мне объяснили, набрала почти полный комплект пассажиров и теперь уже наверняка вый-

дет в рейс. То, что “Мария Ульянова” приходит в Туруханск на день позже “Иосифа Сталина”, узнал уже в пути, когда последний обошёл “Марию Ульянову” и, дав прощальный гудок, скрылся за поворотом. Чтобы выгадать немного денег и не жить впроголодь, билет на “Марию Ульянову” взял без места.

И вот восемнадцатого сентября, разместившись вместе с несколькими такими же, как и я, малоимущими пассажирами на нижней палубе “Марии Ульяновой” среди каких-то ящиков, цепей, проволоки и другого такелажа, я собрался, наконец, преодолеть последнее препятствие на пути к семейной жизни. Какой-то она будет для нас с Ниной.